

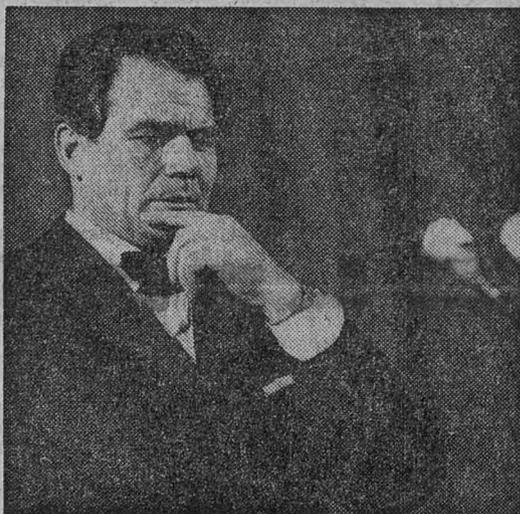
ВСТРЕЧИ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

ПЕСНЯ — ДУША МОЯ

НАБИРАЮ НОМЕР телефона. И слышу в трубке такой знакомый баритон: «Через час улетаю в Москву. Вернусь через неделю, тогда и увидимся». Разочарованно кладу трубку. Как же я мог забыть? Ведь завтра открывается сессия Верховного Совета СССР, а Дмитрий Михайлович Гнатюк — депутат высшего органа Советской власти. В памяти всплывает все, что знаю о пути народного артиста СССР Дмитрия Гнатюка в большое искусство...

...Красиво село Староселье на Буковине. Привольно раскинулось оно в долине реки Прут, неподалеку от могучих седых Карпат. Но не радовали красоты природы сердца буковинцев: тогда, в 20-е годы, их земля еще томилась под пятой румынских бояр. С малых лет слышал Дмитрик разговоры о Советской Украине, о земле, где люди живут без панов, где трудящийся человек стал хозяином своей судьбы.

Отец Дмитрия пас панские отары. Батрачила и мать. Да и сам он, как только минуло ему шесть лет, уже работал от зари до темна в поле. В школе занятия велись на румынском языке,

ке, учитель не скупился на насмешки и наказания. Только и было радости у мальчишки — музыка. Захватила она его детскую душу без остатка, очаровала. Рано появился у него голос: серебристо-прозрачный альт. Приняли его в церковный хор. «Ладно поет хлопец, — говорили соседи, — знать, быть ему дьячком»: Не думал, не гадал никто, что судьба уготовила сыну старого Гнатюка совсем другое будущее.

Радость впервые пришла в дома старосельчан, когда Северная Буковина воссоединилась с Советской Украиной. Дмитрию в то время было 15 лет. Восьмой класс он заканчивал в советской украинской школе. Новый учитель организовал вокально-танцевальный кружок, который вскоре на смотре художественной самодеятельности занял первое место. Музыкальная одаренность Дмитрия Гнатюка не прошла мимо внимания комиссии: его хотели определить в музыкальную школу...

Но надежды разбила война. И только после изгнания от фашистской неволи снова зазвенели над селом веселые песни. Вскоре Дмитрия направили в центр Буковинского края — город Черновцы — на краткосрочные учительские курсы. Оттуда вернулся он в ту школу, где недавно учился сам.

Можно себе представить, с какой радостью и гордостью принимали мать и отец молодого учителя искренние поздравления односельчан. Но с тех пор, как Гнатюк увидел спектакли Черновицкого музыкально-драматического театра, тяга к сцене стала neodолжимой.

Эту страсть заметили работники Дома народного творчества. Его прослушали, стали давать уроки, а там и помогли устроиться солистом хора в театр. Вот тут ему в первый (к счастью, и последний) раз показалось, что достигнута вершина возможного. Ведь он пел на сцене. Но время все больше убеждало: высокое искусство требует высокого мастерства. Так родилась мысль о Киеве, о консерватории.

Он учился на третьем курсе, в классе Ивана Сергеевича Паторжинского, когда ему предложили спеть на сцене

столичного театра одну из партий в опере Ю. Мейтуса «Молодая гвардия». Дебют прошел успешно. В том же сезоне он исполнил партию Миколы в «Наталке Полтавке» Н. Лысенко и проявил при этом, кроме вокального, незаурядное сценическое дарование.

Окончание учебы в консерватории совпало с проведением декады украинской литературы и искусства в Москве. В бескомпромиссном конкурсесоревновании с известнейшими мастерами молодой певец завоевал право участвовать в этом празднике. А по приезде домой его ждала еще одна радость: он стал солистом Киевского академического театра оперы и балета имени Т. Г. Шевченко. «В ночь после этого известия, — рассказывает Дмитрий Михайлович, — я не сомкнул глаз. Бродил по улицам спящего города и думал — не сон ли это. Мог ли боногий мальчишка из глухого села думать о таком великом счастье, о таком полном свершении желаний?»

А ДАЛЬШЕ... Впрочем, пусть дальше рассказывает сам Дмитрий Михайлович, встреча с которым, как он и обещал, состоялась после его возвращения из Москвы.

— Как начиналась моя работа в театре? Было нелегко. У оперной сцены — свои законы. Там много условного, но неправда места не должно быть. К этому и стремился. А еще старался максимально обогатить свой репертуар. В первые же годы работы мне удалось исполнить партии Елецкого в «Пиковой даме», Валентина в «Фаусте», Онегина в «Евгении Онегине», Щелкалова и Рангона в «Борисе Годунове», кошевого атамана в «Богдане Хмельницком», Жермона в «Травиате», Фигаро в «Севильском цирюльнике», Эскамильо в «Кармен», Остапа в опере «Тарас Бульба», Ренато в «Бал-маскараде», князя Игоря и Демона в одноименных операх. Нужно ли говорить, что каждая новая роль требовала все больших усилий, тем более, что меня не покидало желание стать достойным партнером старших товарищей по сцене. Это я говорю о своих стремлениях, а о результатах, как вы понимаете, судить не мне...

— А сами вы были ли удовлетворены?

— Работой — да. Я всегда был счастлив и в репетиционной комнате и на сцене. А если вы спрашиваете об удовлетворенности собственным исполнением, то на это мне хочется ответить словами Ивана Сергеевича Паторжинского: «Тот не артист, кто доволен достигнутым». Не знаю, насколько мне удалось усвоить весь тот огромный объем знаний и умений, которые старался привить нам Иван Сергеевич, но эту истину я запомнил на всю жизнь.

Никогда не забуду и встречу с Амвросием Максимилиановичем Бучмой. В ходе репетиций «Наталки Полтавки» он, режиссер этого спектакля, в присутствии всей труппы похвалил меня, а оставшись наедине сказал: «Играть надо не так». Большой, он тут же сыграл передо мной роль парубка Миколы и сыграл так, что я навсегда понял, как много значит в опере актерское мастерство. Дружеская помощь выдающихся мастеров не позволяла ощутить успокоенность, самодовольство.

— И все же художник не может не испытывать радость в своем творчестве.

— Конечно. Не знаю, правильно ли вы меня поймете, но я испытал огромную радость, когда мне было присвоено почетное звание заслуженного артиста УССР. Признание народа, выраженное в этом акте, является, по моему, для каждого работника искусства свидетельством того, что свои творческие поиски он ведет в верном направлении.

Здесь мне невольно вспомнился один эпизод из жизни артиста. Рассказывают, что однажды после концерта в одном из колхозов неподалеку от Киева на сцену вышел старый хлебороб и, обращаясь к артистам,

сказал: «Спасибо вам от души. Особо хочется поблагодарить народного артиста Дмитрия Гнатюка». В зале задвигались, и кто-то из первых рядов подскзал выступавшему, что Гнатюк не имеет еще звания не только народного, но и заслуженного артиста. Старик колхозник не смутился и спокойно ответил: «Это не большая беда, хорошо, что он народный, а заслуженным скоро будет». Верно ли, что так было?

Дмитрий Михайлович улыбнулся: — Помню этот случай. Наши люди удивительно щедры душой, всегда рады поддержать каждого, кто несет им родное искусство. Эту поддержку я постоянно ощущаю на себе, где бы ни выступал.

— Вы часто выступаете на оперной сцене и в концертах. Какой из этих двух видов деятельности вы считаете основным для себя?

— Оба. Истинное наслаждение испытываю от работы над оперными партиями. Кроме уже упомянутых, пел Сильвио в «Паяцах», Максима в «Арсенале», Петруччо в «Укрощении строптивой», Энея в «Энеиде», Гайдака в опере «Гибель эскадры» и многие другие партии. С упоением отдаюсь работе в опере — это моя жизнь. Не люблю и песню. Ведь в ней — душа народа нашего, а значит, и моя душа.

— А как часто вы бываете в гострильных поездках за рубежом?

— Как-то не пришлось считать. Что-то около двадцати пяти раз. Впрочем, я никогда не делил гастролиные поездки на более и менее важные. Одинаково волнуюсь, выходя на сцену колхозного клуба и самого большого зарубежного концертного зала. Правда, в заграничных поездках добавляется особое чувство гордости за великое советское искусство, которое я там представляю.

— Какая же из поездок особенно запомнилась вам?

— В Австралию и Новую Зеландию: я был первым советским певцом в этих странах. Помню, сразу после приезда нагрянули корреспонденты. Переводчика не было, без него мы не могли объясниться, и я запел песни моей Родины. Потом журналисты писали, что это «интервью» позволило им понять душу нашего народа лучше, чем это могла бы дать беседа со мной. Газеты писали много лестного и для меня лично. Но самыми приятными оказались слова одного пожилого австралийца: «Где советские люди — там песня, а где песня — там мир». Радостно, что так думают простые люди и в далеких странах, и в моем родном селе.

— Кстати, о ваших земляках-старосельчанах... Поддерживаете ли вы связь с ними?

— Всей семьей бываем в моем родном селе ежегодно. Только оно теперь уже не Староселье, а Новоселки, колхоз имени Владимира Ильича Ленина — один из самых богатых в Советской Буковине. Многие годы им руководил приятель моих детских лет, ныне Герой Социалистического Труда Василий Петрович Григорашук. Встречаемся мы с ним, смотрим на новые дома, фермы, колхозный Дом культуры, вспоминаем былое, сравниваем и не перестаем радостно удивляться громадным переменам в жизни. Ну, конечно, и с концертами перед односельчанами выступаю...

— Дмитрий Михайлович, хочу еще спросить о поездке в Москву, о ваших депутатских обязанностях.

— Я, видимо, самый молодой по стажу депутат Верховного Совета СССР — всего с сентября нынешнего года. IV сессия восьмого созыва нашего советского парламента — первая, в работе которой мне довелось участвовать. Как известно, она рассмотрела актуальные вопросы охраны природы. Для меня это вдвойне счастливое событие — очень люблю природу! Убежден, что природа, музыка, песня — это явления одного порядка, у них общие корни. Когда пою песню — будто вижу всю землю родную, с ее неповторимой красотой. А когда воочию смотрю на родные просторы — песня рвется из сердца. Думаю, что если бы я жил даже сотни лет, то не устал бы славить песней красоту родного Советского Отечества и его людей.

В. КАПРЕЛОВ.

КИЕВ.